

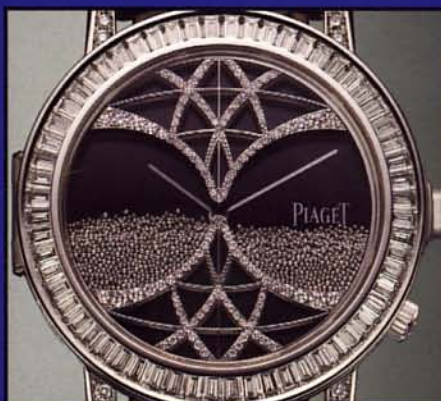
2008

ИЮНЬ
ИЮЛЬ

№03

ЧАСЫ

ARMBAND UHREN

Parmigiani
Кудесник
из Флёрье

Квадратура
круга

Дорогие
игрушки:
твой личный
кастом

БАЗЕЛЬ – ЖЕНЕВА: время, вперед!

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРЕМЬЕРА» подписка на сайте www.mega-press.ru

MB&F

БЕЗУМНЫЙ МАКС

Беседовал Александр Ветров

Карьеру Максимилиана Бюссера позавидует любой. В 1998 году его, обычного 31-летнего менеджера, пригласили занять должность управляющего директора часового подразделения Harry Winston. За семь лет ему удалось в девять (!) раз увеличить оборот Harry Winston Rare Timepieces, вывести компанию в лидеры рынка и заработать репутацию удачливого руководителя с фантастическим деловым чутьем. А после того, как он на пике вдруг покинул насиженное место и основал собственный бренд MB&F, его сперва сочли безумцем, а затем – признали одним из подвижников современного часового искусства.

Он уже построил две «Часовые Машины», чьи технические характеристики и дизайн вполне сопоставимы с новаторскими концепциями созданной им же культовой серии Orus, и сейчас вплотную занят созданием третьей... Наша встреча с главой MB&F состоялась в номере женеvского отеля de la Paix, ставшим на время SIHH выставочной резиденцией молодой марки.

– Здравствуй, Максимилиан. Если не ошибаюсь, на тебе Horological Machine №1 в корпусе из белого золота?

– Да, это первый экземпляр, который пришел к нам аккyрат перед выставкой.

– И когда они появятся в продаже?

– Ну, вообще, я стараюсь выставлять часы, которые мы сможем поставить максимум через три месяца. Этим мы отличаемся от многих брендов, которые громко анонсируют новинки, а потом не начинают их серийное производство ни через год, ни через два... Кстати, отчасти именно из-за этого многие премьеры называют «концептами». Потому что «концепт» – это нечто сложное, передовое, то, что можно годами доводить до ума и в конце концов оставить до лучших времен. Мы же, если помнишь, представили Horological Machine №2 в ноябре–декабре 2007 года, а к марту уже отправили дилерам 25 экземпляров из 125, намеченных к производству до конца года.

– А какой общий тираж серии?

– По 125 в двух версиях. Но поскольку в год мы можем делать порядка ста штук, некоторым заказчикам придется подождать.

– Получается, производство HM2 накладывается на производство HM1?

– Стратегия MB&F состоит в том, чтобы каждый год запускать новый механизм и новую модель, выпуск которых рассчитан на трехлетний период. Причина проста: таким образом я пытаюсь обезопасить бизнес от непредвиденных технических проблем: если с одной моделью что-то пошло не так, у меня в работе находится еще парочка, которые не позволят мне обанкротиться. Теперь ты знаешь страшную тайну, что мы вовсе не одержимы жадной суперкреативности, а просто боимся от форс-мажора. Никому не говори, умоляю (смеется).

– Обещаю молчать даже под пытками. Скажи, а титановая HM1 уже появилась?

– Их будет всего 10 штук, поскольку изготовление титановых корпусов – настоящий кошмар. Собственно, за меня здесь все решил мой поставщик корпусов – мануфактура G&F Chatelain из Ла Шо-де-Фона. Механизм здесь тот же, спроектированный Лораном Безом...

– Кстати, почему ты выбрал именно его? Он совсем не известен вне своего круга, и многие поэтому считают автором этого калибра Питера Спик-Марина.

– Лоран – ассистент Спик-Марина. Он блестящий инженер, которого я давно и хорошо знаю. Он делал турбийоны для Harry Winston, он участвовал в разработках моделей линейки Microrotor для Universal Geneve, Memoire 1 для Maurice Lacroix, турбийонов для Bovet. Но помимо него в HM1 вложен труд многих специалистов: от специалистов STT (ныне Dimier), отвечавших за изготовление всех деталей механизма, до мастеров Стюарта, Стивена и Бруно, собиравших часы из готовых компонентов...

– Прости, что перебиваю: в разработках второй «машины» без участия не принимал?

– Нет, «сердце» HM2 было сделано главой компании Agenhor Жаном-Марком Видеррехтом и его помощниками. Но остальная команда практически не претерпела никаких изменений. Знаешь, я больше десяти лет в этом бизнесе, но опыта работы с подобного рода сетью у меня никогда не было. Здесь важна персональная ответственность, потому что, чем крупнее ячейки сети, тем легче выскользнуть из нее рыбе. Каждый из моих ребят знает свое дело и болеет за него, будь то изготовители трибов или мостов. В MB&F сконцентрирована огромная творческая энергия, и, что самое главное, такую организацию

не надо контролировать, потому что люди работают не за деньги, а за идею...

– Они все действительно твои друзья или, все же, большей частью партнеры?

– С друзьями не работают. Слово «друзья» появилось потому, что я не мог по-другому выразить суть отношений между теми, кто разделяет профессиональные идеалы и ценности. Я работал со многими из них, еще будучи главой HWRT, и получал от этого удовольствие и профессиональное удовлетворение. А некоторые появились по рекомендации проверенных поставщиков и оказались весьма к месту. Если вдуматься, ни я, ни MB&F им даром не нужны: у них у всех хорошие контракты с крупными брендами, приносящие хорошие деньги. Зачем, казалось бы, делать лишние сто циферблатов в год, если недельная норма составляет полторы тысячи штук? На этом определенно много не заработаешь. Но им нравится быть частью камерного проекта, чистого часового искусства. Они гордятся причастностью к MB&F! А уж как я горжусь тем, что они гордятся – не передать словами. Фактически наши партнеры дают нам гораздо больше, чем мы им. Без буквы «F» MB&F просто не существовало бы. Остались бы одни нереализованные идеи.

– Насколько я знаю, у бренда два соучредителя: ты и еще кто-то. Не скажешь кто?

– Мой партнер – Серж Крикнофф, очень сведущий в технических вопросах специалист – он раньше занимал пост директора по качеству фабрики Lemania, затем был директором по продукции в HWRT, после – управляющим директором G&F Chatelain, а потом, как и я, захотел чего-нибудь особенного. Ему, как и мне, 41 год, он тоже чужд корпоративного бытия, и у нас одновременно случилось то, что принято называть «кризисом среднего возраста», который фактически заключается в усиленном поиске своего места в жизни и вызывается конфликтом между тем, чем ты занимаешься, и тем, чем тебе хотелось бы заниматься. Я предложил ему вложиться в дело, и он дал добро.

– Откуда и когда в тебе появилась страсть к часовому делу?

– Когда мне исполнилось 4 года, я понял, что хочу стать автомобильным дизайнером. И продолжал мечтать об этом до 17-летнего возраста, хотя обычно у мальчиков такие одержимости пропадают уже где-то годам к десяти. Я бредил машинами и поэтому поступил в инженерную школу в Лозанне, где с ужасом понял, что ненавижу автомобильный дизайн... Я изучал микротехнологии, откуда, как ты понимаешь, рукой подать до часовой инженерии.

И моей дипломной работой был опрос людей, занимавшихся возрождением и реструктуризацией старых часовых брендов: Breguet, Audemars Piguet, Jaeger-LeCoultre и так далее. А пропос: я сам из очень простой семьи. У отца была Omega, у меня – Tissot: типичная комбинация для нижнего сегмента среднего класса. А мои респонденты запросто говорили о часах стоимостью 50 тысяч франков. Я вообще не понимал, кому нужны такие вещи, кто их захочет покупать? Так появился интерес к теме. Анри-Джон Бельмон (сейчас он занимается мануфактурой Minerva в RLG) показал мне JLC изнутри, и я был поражен. Но даже после этого я собирался устраиваться на работу в... Procter&Gamble. Я хотел работать в маркетинге, хотел понимать, как создается продукт, почему его покупают, что движет потребителем.

– Ого! Как неожиданно! Мог бы сейчас выпустить элитные шампуни и присыпки!..

– Да уж... А потом все случилось, как в фильме Клода Лелюша, в котором несколько незнакомых друг с другом людей волею обстоятельств встречаются друг с другом в одной точке времени и пространства. Так встречи с несколькими удивительными личностями, в конце концов, изменили мою жизнь, и я захотел остаться в часовой индустрии. Решающей в моем выборе стала встреча все с тем же Бельмоном на лыжном курорте Вербье, куда я отправился перед собеседованием в P&G. Он узнал меня, и мы пошли выпить кофе. Бельмон как раз искал тогда человека на должность менеджера по продукции, и я в шутку попросил его зарезервировать ее за мной на случай, если меня не возьмут в P&G. Через неделю он позвонил (на дворе стоял 1991 год), и мы проговорили четыре часа. JLC тогда продавал около 1500 тысяч Reverso в год, бренд пытался выживать, а Анри-Джон рассказывал

мне о грандиозных планах, о том, что они собираются делать минутный репетир, вечный календарь, турбийон... и с ходу предложил мне работу. Он дал мне на обдумывание три недели, сказав на прощание: «Тебе решать, хочешь ли ты быть одним из 200000 сотрудников корпорации или одним из пяти-шести человек, собирающихся вернуть к жизни легенду швейцарского часового ремесла». На следующее утро я позвонил ему и согласился.

– А как попал в Harry Winston?

– Семь лет я работал в JLC менеджером по маркетингу и продажам. Отвечал за европейский рынок, участвовал в разработках новых моделей, занимался интернет-сайтом. Когда мануфактура встала на ноги, я понял, что еще не готов почивать на лаврах. И поэтому, получив предложение от Harry Winston возглавить упавшее часовое подразделение компании, я обрадовался, хотя мне был всего 31 год и я был полным профаном в науке управления. Зато у меня был успешный опыт работы в команде энтузиастов, поднимавших марку практически с нулевой отметки. Поэтому я принял приглашение поучаствовать в конкурсе, став одним из 40 кандидатов. Я чувствовал себя весьма раскованно, потому что, в общем-то, абсолютно не волновался по поводу того, получу я этот пост или нет – я думал, что мои шансы практически равны нулю. Но после череды собеседований в Европе и Нью-Йорке мне сообщили, что я принят. Я даже в самых смелых фантазиях не мог представить себе, что окажусь во главе подразделения такой фирмы, как HW! Мне дали ключи от дома в Нью-Йорке и сказали, что я могу делать все, что считаю нужным, поскольку они в часах ничего не смыслят и просто хотят хороших продаж. И начался кошмар. Я приступил к работе в ноябре, и надо было подготовить к Базельской выставке какое-то подобие коллекции,

HM1

которой, естественно, никто и не думал заниматься. Более того, в Базеле у HWRT не было даже места! Но у нас все получилось. Более того, скажу прямо: центральный офис компании не вложил в HWRT ни цента! Мы все сделали сами. Штат компании вскоре вырос из 8 до 80 сотрудников, а обороты выросли в десятки раз. И через несколько лет я почувствовал, что раз мне удаются такие «подвиги», то, возможно, я способен и на что-то большее? Я решил не становиться очередным сытым директором и начал работать над собственным проектом.

– Решение покинуть HWRT далось, наверное, нелегко?

– И нелегко и легко одновременно. С одной стороны, у меня была прекрасная работа, а с другой – меня одолевало желание своего дела. Больше всего тяготила ответственность за команду, которая стала моей второй семьей. Я долго репетировал речь перед ними, но так и не смог ее произнести. Просто сказал, что увольняюсь, и для них это был как гром среди ясного неба. Я успокаиваю себя только тем, что им не нужен больше «отец», они вполне могут обойтись без меня.

– Что ты думаешь по поводу решения Амди Шатти реанимировать проект Orpus?

– Я закрыл Orpus по экономическим соображениям. Мы стали слишком сильны в сложных мужских часах – половина нашей прибыли приходилась на них, тогда как основной специализацией HWRT предполагались женские ювелирные кварцевые модели! Orpus породил большую проблему. Структура компании не была выстроена под подобного рода продукцию. А нас все спрашивали только об «Опусах» да турбийонах! В Базеле мы могли танцевать на столах, показывать стриптиз – что угодно! – но никому не было никакого дела до дамских часов, все требовали усложнений. Как руководитель компании, я не мог

допустить такого развития событий. Сейчас 78 процентов продаж HWRT приходится на сложные мужские часы. Они сами не рады. Я прекрасно понимаю, почему Шатти возобновил Orpus, но я бы на его месте этого не делал.

– Какой «Опус» твой самый любимый?

– Первый – потому что он был первым и потому что мне было приятно работать с Франсуа-Полем Журном. Третий – потому что он стал уникальным событием для всей индустрии. Перед Базелем наш директор по продажам в растерянности сказал мне, что не знает, как убедить клиентов покупать ЭТО, и наши лучшие региональные представители вторили ему в один голос. А получилось все наоборот. Он до сих пор, как вы знаете, не готов, но почти ни один из заплативших не взял обратно деньги. Все ждут и готовы ждать, сколько потребуется. Это на сегодняшний день самая дорогая разработка в истории Harry Winston, и конечная сумма еще не известна. И, конечно же, Пятый – потому что это просто трехмерное чудо.

– Последний вопрос: Horological Machine №1 укомплектована турбийоном, Horological Machine №2 лишена престижных усложнений... Какой будет HM 3? Снова сложной?

– HM 3 будет сильно отличаться от первых двух. Ее премьера намечена на ноябрь, а поставки начнутся в январе–феврале. В соответствии с озвученными выше принципами мы готовим новый механизм, новую форму корпуса, иную концепцию показа временных параметров – все новое. Больше пока сказать не могу. Могу лишь заверить тебя, что производство мегадорогих часов по 500–600 тысяч франков меня не интересует. Гораздо интереснее – но и труднее – создавать уникальные и в то же время функциональные часы тысяч за 60–70. Это и есть мой путь.

HM2

Horological Machine №1

«Первенец» MB&F получился на славу. Мало кто предполагал, что solitary поход Бюссера в заоблачные сферы часового искусства принесет столь впечатляющий результат в столь сжатые сроки. HM 1 не спутаешь ни с чем: большой корпус в форме цифры «8» напоминает о бесконечности времени и смотрится на запястье как символ отменного вкуса и знак принадлежности к когорте продвинутых знатоков хронометрической механики. Турбийон, расположенный в центре «восьмерки», объединяет два равновеликих счетчика: левый часовой и правый минутный. Подобная компоновка циферблата (без учета турбийона) представляет собой классический регулятор, что, безусловно, можно считать реверансом создателей в адрес великих мастеров прошлого. При этом классика выполнена в столь смелой авангардной стилистике, что не остается никаких сомнений в претензии авторов на лавры великих мастеров настоящего. Главными фигурами проекта HM 1 являются сам Макс Бюссер, а также дизайнер Эрик Жиру, конструктор часовых механизмов Лоран Без и «академик» Питер Спик-Марин. Это они придумали корпус, состоящий из 48 частей, трехуровневый циферблат и систему из соединенных попарно четырех заводных барабанов, обеспечивающую «машине» солидный семидневный запас хода. Удивительно, но, несмотря на некоторую громоздкость модели, она весьма эргономична и не доставляет неудобств при носке. Желающим обзавестись HM 1 рекомендуем поторопиться: серия в розовом золоте уже распродана, остались только экземпляры в розовом золоте и титане (всего 10 штук).

HM1

технические
характеристики

МЕХАНИЗМ:	автоматический, с четырьмя заводными барабанами и регулятором турбийона, 28 800 полуколебаний в час; состоит из 376 деталей; запас хода – семь дней
ФУНКЦИИ:	часы (левая половина циферблата), минуты и указатель запаса хода (правая половина циферблата)
КОРПУС:	из розового, белого золота или титана, 41 x 64 x 14 мм; сапфировое стекло с обеих сторон
ЦИФЕРБЛАТ:	из серебра и рутения серебристого или темно-серого цвета либо открытый (титановая версия); мосты указателей часов и минут выполнены из сапфирового стекла
РЕМЕШОК:	из кожи аллигатора, черного либо коричневого цвета с золотой застежкой.

Horological Machine №2

Во второй «машине» Бюссер отделил «личное» время от «вселенского», отдав правую половину циферблата часам и минутам, а левую зарезервировав для индикации даты и лунных фаз. В отличие от своей предшественницы, НМ 2 лишена элитных усложнений, однако таит в себе весьма сложную конструкцию из сопряженных узлов ретроградного указателя минут и прыгающего – часа. Главным для Жана-Марка Видеррехта, отвечавшего за разработку механизма, было добиться идеальной синхронизации прыжка часовой метки и возврата минутной стрелки к началу шкалы. Обычно смена цифры часа осуществляется за счет накопленной минутным колесом энергии, что негативно сказывается на работе баланса. Видеррехт же устроил так, что колесо минутной стрелки в момент обнуления толкает диск часового указателя. Таким образом удалось убить двух зайцев сразу: синхронизировать указатели, а заодно избежать нежелательных потерь энергии. Учитывая тот факт, что Видеррехт возглавляет компанию Aghenor, специализирующуюся как раз на ретроградных «премудростях», мы бы не стали так уж сильно удивляться остроумному решению задачи...

Отдельного упоминания достоин ротор автоподзавода, выполненный в форме двустороннего боевого топора с лезвием толщиной всего 0,2 мм – таким действительно можно порезаться! И, конечно же, не забудем отметить и гораздо более сложный по сравнению с НМ 1 корпус, который несмотря на кажущуюся прямоугольную бесхитрость состоит из более чем сотни компонентов!

НМ2

технические характеристики

МЕХАНИЗМ:	автоматический Калибр Aghenor с колесной и балансовой системами Girard-Perregaux, 28 800 полуколебаний в час; состоит из 349 деталей; запас хода 42 часа
ФУНКЦИИ:	дата, фазы Луны в обоих полушариях (левая половина циферблата), часы и минуты (правая половина циферблата)
КОРПУС:	из розового золота и титана или белого золота и титана, 59x38x13 мм; сапфировое стекло с обеих сторон
ЦИФЕРБЛАТ:	из серебра и рутения
РЕМЕШОК:	из кожи аллигатора, черного либо коричневого цвета с золотой застежкой.